

DOI: 10.46725/IW.2021.3.7

А. В. Репников

ЛЕВ ТИХОМИРОВ НА ФОНЕ ЕГО ДНЕВНИКА (1912 г.)

1912 год редактор «Московских ведомостей» Лев Тихомиров встретил «в церкви с молитвой», но отвлекали хлопоты, и было ему невесело, о чем он записал в дневник 1 января. Гостей на праздник было немного, да еще и с поздравлением явилась группа наборщиков. Поздравление, за которое Тихомиров дал им 25 рублей, было только предлогом. Наборщики «жаловались на эксплуатацию метранпажем¹ и просили принять депутацию для каких-то разговоров о помощи им»². Рабочие видели в Тихомирове хозяина, но участвовать в решении их проблем он не хотел, отговариваясь в дневнике тем, что ничего в этом плане сделать не может, да и не умеет. 2 января Тихомиров получил «первую ведомость за этот год. Такое страшное падение подписки, какого я не мог себе и представить. Конечно, за первые числа января немного прибавится, но это не уменьшает тяжести разгрома. Вообще газета ежегодно падает»³. Он винил правительство, затеявшее

© Репников А. В., 2021

Репников Александр Витальевич — доктор исторических наук, доцент, начальник Центра документальных публикаций, Российский государственный архив социально-политической истории, repnikov@mail.ru (Dr. Sc. (History), Associate Professor, Head of the Center for Documentary Publications, Russian State Archive of Socio-Political History).

¹ Метранпаж (от *фр.* *metteur en pages* — верстающий страницы) — старший наборщик или руководитель группы наборщиков в типографии, верстающий полосы (страницы) набора или контролирующий эту операцию.

² Государственный архив Российской Федерации. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 95. Далее: ГА РФ.

³ Там же. Л. 96.

проекты по отнятию у издания частных и значительной доли казенных объявлений, составлявших главные финансовые поступления: «Бесчестное правительство, затеяв свои законопроекты об отнятии объявлений, дало мне смертельный удар. На всю Россию газеты раструбили, что “Московские ведомости” уничтожаются, что я уже ухожу — и вот результат»⁴.

11 января дочь Тихомирова Вера уезжает в Оптину пустынь. Казалось бы, что это хорошая новость, но отец тревожится, что Вера «поддалась влиянию о. Варсонофия», который ему, исключительно на основании слухов, («кажется из властолюбивых, которые любят набирать паломников») не нравится, «и, вероятно, обязалась перед ним всякими духовными подчинениями»⁵. Потом оказывается, что Вера «уволилась» (так в тексте) от о. Варсонофия, и Тихомиров успокаивается. Речь идет о Варсонофии Оптинском, в миру Павле Ивановиче Плиханкове, известном подвижнике.

Поправила настроение Тихомирову поездка в Посад, где он ранее приобрел себе дом. Вернувшись в Москву, он отмечает, что там, несмотря на метель, хорошо и полно дел по хозяйству: «кололи кабана, делали колбасы... окорока» и «смотрели, как играет котенок Мурка»⁶. В Москве же его нервируют истории, в которых участвует Гермоген, Распутин, Илиодор и др.

10 января «Московские ведомости» сообщают: «Несколько времени назад, под давлением некоторых кружков синодальных иерархов был поднят вопрос о возведении Григория Распутина в сан священника»⁷. Такая информация, появившаяся не в бульварной, а в официозной газете, не могла не вызвать реакции. 22 января в дневнике Тихомирова появляется запись: «Сегодня газетам сообщена “покорнейшая просьба” мин[истра] внутр[енних] дел ничего не печатать о Григории Распутине»⁸.

⁴ Там же.

⁵ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 97.

⁶ Там же.

⁷ Цит. по: Архив священника П. А. Флоренского. Вып. 2: Переписка с М. А. Новоселовым. Томск, 1998. С. 26.

⁸ Здесь и далее все подчеркивания в тексте дневника сделаны Л. А. Тихомировым.

Какой нестерпимый позор для Царской фамилии. Они себя губят. Я даже и в истории не помню такого позора...»⁹

Хотя Тихомиров уже понимал болезненность для императора распутинской темы, он продолжал использовать газету для публикаций новоселовского кружка. 24 января в «Московских ведомостях» появилась петиция «Св. Синод и епископ Гермоген. Голос мирян», подписанная членами новоселовского кружка Федором Дмитриевичем Самариным, Виктором Михайловичем Васнецовым, Николаем Дружининым, Владимиром Александровичем Кожевниковым, Александром Александровичем Корниловым, Павлом Борисовичем Мансуровым, Михаилом Александровичем Новоселовым, Петром Дмитриевичем Самариным, Дмитрием Алексеевичем Хомяковым, графом Павлом Сергеевичем Шереметевым. Подписавшие не только вступили в поддержку Гермогена, но и сетовали, что «явные еретики и отступники, дерзко совершающие свое богомерзкое дело, остаются свободными от церковного суда», что было намеком на Распутина¹⁰. Как и другие антираспутинские публикации в «Московских ведомостях», данная была бы невозможна без поддержки Тихомирова. В тот же день 24 января в газете «Голос Москвы» появилась статья М. А. Новоселова «Голос православного мирянина. (Письмо в редакцию)» с резкой критикой Распутина. Номер газеты был конфискован, а 25 января на вечернем заседании Государственной думы был сделан запрос Министерству внутренних дел по поводу конфискации газет «Голос Москвы» и «Вечернее время», породивший большой шум в прессе. Затем новоселовцы продолжили на страницах «Московских ведомостей» полемику с Синодом¹¹. Наконец, Тихомиров использовал поддержку Е. В. Богдановича, который в марте 1912 г. обратился с письмами к императору и министру внутренних дел А. А. Макарову с просьбой вернуть из ссылки Гермогена, приложив к своим письмам вырезку из «Московских ведомостей»¹².

⁹ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 97—98.

¹⁰ Цит. по: Архив священника Павла Александровича Флоренского. Вып. 2. С. 27.

¹¹ Там же. С. 27—29.

¹² *Стогов Д. И.* Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда (конец XIX — начало XX века). СПб., 2007. С. 154—155.

28 января Тихомиров подробно записывает версии происхождения с Распутиным 16 декабря 1911 г. на Ярославском синодальном подворье в Петербурге¹³, вероятно, изложенные ему побывавшим в Петербурге А. Э. Нольде: «Вот разъяснение истории Гермогена, по чиновничьей и думской версии. Григорий Распутин добивался свидания с Гермогеном. Тот его не принимал. И вот вышло следующее:

1) По версии частной (по-видимому, со слов Родионова). Сидели у Гермогена — Илиодор, братец Митя и Родионов, казак, писатель (автор “Конец православной сказки”¹⁴). Родионов — почитатель Гермогена. Докладывают, что пришел Распутин. Гермоген сказал, что не может принять. Но Родионов просил принять — “Хочется посмотреть, что за Распутин”. Гермоген велел впустить.

Распутин подошел под благословение, и Гермоген, возложив на него руки (на голову), начал его заклинать, чтобы он не предавался во власть плоти, подчиняющей его дух... Распутин попятился к дверям, Митя шел за ним, все уличая его, и Распутин вышел в двери. При этом Родионов все время сидел и смотрел. Илиодор тоже оставался зрителем.

2) По версии, распространившейся сразу в разных концах города и идущей, по предположению, из обер-прокурорских источников, рассказывают иначе. Распутин явился к Вырубовой и будто бы рассказал ей следующее: когда он подошел под благословение к Гермогену, то будто бы Митя схватил его, Распутина, за половые органы... а Илиодор схватил за горло и начал душить, при этом будто бы повалив его на землю, оба стали его принуждать: “Клянись, что не ты и не князь Орлов [речь про генерал-майора Свиты Е. И. В. Алексея Афиногеновича Орлова (1865—1908), которого сплетники ославили, как любовника царицы — А. Р.] отец наследника”... Распутин уверял, что его хотели оскотить... Но его выручил будто бы Родионов, обнаживший саблю, и Распутин выскочил в дверь.

¹³ См.: Варламов А. Н. Григорий Распутин-Новый. 2-е изд. М., 2008. С. 277—284; Фомин С. В. «Судья же мне Господь!» М., 2010. (Григорий Распутин: расследование). С. 623—638.

¹⁴ Родионов И. А. Конец православной сказки. СПб., 1911. См.: Пенников А. В. Родионов И. А. // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. М., 2010. С. 400—404.

Митя, говорят, маленького роста, и у него правая рука совсем сухая, а левая парализована наполовину. Рассказ посему — невероятен, ибо во Дворце знают Митю и его неспособность к физическому насилию.

Засим, продолжает эта версия, Вырубова побежала к Супруге¹⁵, а она к самому Государю. Рассказ будто бы страшно разгневал Его и Он будто бы послал Саблеру записку “Убрать Гермогена с лица земли”...

Эти будто бы слова Государя повторяют именно в этой формуле, как якобы подлинной.

Сообразно с этим будто бы и начал немедленно действовать Саблер. Это именно тот рассказ, вследствие которого правая фракция отказалась от намерения сделать запрос в Думе. Первоначально она хотела сделать запрос о ссылке Гермогена.

Тогда-то Гучков решил сделать свой запрос.

Вся эта вторая версия полна невероятных подробностей.

Но, по-видимому, верно одно: Распутин нарочно набивался на свидание, чтобы иметь возможность что-нибудь наклеветать на Гермогена и Илиодора. Что именно он наклеветал, это нужно признать неизвестным, но, очевидно, нечто такое, что разгневало Государя против Гермогена и Илиодора. А Саблер, может быть, и рад был этим воспользоваться для уничтожения Гермогена и Илиодора.

Два страшных факта ясны:

1) сила Распутина при дворе, 2) союзничество Саблера с Распутиным. Ясно и последствие — 3) ужасные рассказы о Государыне и Государе, способные иметь роковые последствия при распространении в народе.

Над нами тяготеет какой-то страшный рок»¹⁶.

29 января Тихомиров продолжает жаловаться: «Тягота на душе ужасная.

Что это мне, братцы, тошным тошно,

Все тошным тошно, да грустненько?

Этот подлый Гришка и его бесовская власть — просто гнетут душу. Мане, Текел, Фарес¹⁷. Нет нам Божией милости.

¹⁵ Т. е. к императрице Александре Федоровне, супруге Николая II.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 98—101.

¹⁷ Так в тексте. Надо: «Мене, Текел, Перес». Речь идет об эпизоде из Книги пророка Даниила, когда царь Валтасар увидел во время пира

И что можно придумать. За что стоять, что защищать, когда мерзость запустения водворилась на месте святее?

Бессмысленно положение человека, пытающегося отстаивать наши несчастные “основы”. Но уйти? Куда, зачем? Разве есть теперь куда уходить? Разве где бы то ни было можно быть спокойным?»¹⁸. Ненависть Тихомирова к Распутину растет. После визита по делам газеты в столицу он записывает: «В Петербурге неслыханные пучины распутинского болота... Даже во сне не может привидеться ничего подобного»¹⁹.

Отчаяния прибавляло и то, что сидевший за решеткой в годы революционной молодости Тихомиров вновь оказался под угрозой потерять свободу²⁰. Можно представить, что это значило для 60-летнего (в январе 1912 г. Лев Александрович отметил юбилей) человека, на содержании которого находилась большая семья! 14 февраля Тихомиров записывает: «Московск[ий] окр[ужной] суд (под предс[едательством] кадета Гудим-Левковича) признал сегодня меня виновным в оклеветании этой стервы Окулич и присудил к 2 месяцам тюрьмы»²¹. Угроза будет висеть над ним 1912-й и часть 1913-го года, но в итоге он отделается штрафом.

25 февраля 1912 г., в воскресный день, из поездки в Зосимову пустынь вернулась в Москву жена Тихомирова Катя и его дочь Надя. В пустыни они виделись с известным о. Алексием Зосимовским (в миру Федором Алексеевичем Соловьевым), который с 1908 г. находился в полузатворе, выходя только по субботам

кисть руки, написавшую послание, которое никто не мог разгадать. Призванный пророк Даниил, отказавшись от наград, объяснил это явление как свидетельство гнева Божия на беззакония Валтасара, осквернившего на пиру сосуды из Иерусалимского Храма: «За это и послана от Него кисть руки и начертано это писание. И вот, что начертано: МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ, УПАРСИН. Вот — и значение слов: МЕНЕ — исчислил Бог царство твое и положил конец ему; ТЕКЕЛ — ты взвешен на весах и найден очень легким; ПЕРЕС — разделится царство твое и дано Мидянам и Персам» (Дан. 5; 24—28).

¹⁸ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 101.

¹⁹ Там же. Л. 102.

²⁰ См.: *Репников А. В.* Лев Тихомиров на фоне его дневника (1911 г.)

// Интеллигенция и мир. 2020. № 3. С. 49—67.

²¹ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 102.

и воскресеньям, чтобы принять в эти дни посетителей. Этот старец, по словам С. И. Фуделя, бывший «духовным центром монастыря»²², велел *дословно* передать Тихомирову: «Мы смотрим на деятельность Льва Александровича, как на подвиг исповедничества и мученичества»²³. Когда Катя рассказала, что ее муж приговорен к тюрьме, то о. Алексей, переспросив, сказал «Вот прибавляется изумруд в его венце»²⁴. Считаю нелишним добавить, что о. Алексей, как и упоминавшейся выше о. Варсонофий, будет канонизирован. Тихомиров и его семья, как видно из дневника, общались со многими священниками и мирянами, которых впоследствии канонизировали, но смог ли Тихомиров разглядеть в этих людях черты грядущей святости? Если бы понял, что вокруг него столько *будущих святых*, то был бы столь безжалостен в критике своих современников? Ведь даже в своем сыне, о. Тихоне, он не увидел присущей тому твердости в православной вере!

27 февраля запись в дневнике начинается словами: «У меня все замечательно скверно», что не удивляет. Помимо беспокойства с отнятием объявлений, донимают судебные дела: «С процессом — не лучше. Завтра — мотивировка, а секретарь говорит, что раньше 3 марта не сделает протоколов. Как же ее подавать апелляционную жалобу? Суд, по-видимому, — совсем мерзавцы. Нарочно стараются отнять возможность обжалования... Измучили они меня. Что я — мучусь — в этом о. Алексей вполне прав. Но это мучение совершенно бессмысленное. Не за что-нибудь, не для чего-нибудь, а просто мучение, просто неприятность и вытягивание жил без всяких разумных причин и цели»²⁵. Положение газеты вновь заставляет думать о возможном уходе. 22 марта Тихомиров записывает: «Собирался на Пасху послать отказ от аренды. Но вчера получил телеграмму, заставляющую думать, что все еще уладится...»²⁶

²² Фудель С. И. Собр. соч.: в 3 т. / сост., подгот. текста и коммент. Н. В. Балашова, Л. И. Сараскиной. М., 2001. Т. 1. С. 16.

²³ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 103.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Л. 103—104.

²⁶ Там же. Л. 104.

24 марта Тихомиров отметил в дневнике, что «мы подходим к концу», и происходит это в год, когда отмечается «столетие “священной памяти двенадцатого года”». Присылаются юбилейные книги, картины... Что общего с нами? Какая-то другая страна, другие люди. Всего сто лет назад! Была Россия, и нет России. А крепчайшее заколоченное историческое чувство мешает разделять в сердце Христианство и Россию. У меня это еще не так резко, как у других, но и у меня — не могу быть спокойным в жизни второго, когда от веры отпала Россия. Это чувство, конечно, ложное, не христианское, но оно заколочено в самые глубокие эмоции...»²⁷ Сравнение прошлого и настоящего оказалось не в пользу последнего.

8 апреля за несколько часов до отъезда в столицу Тихомиров делится в дневнике сомнениями: «я должен ехать в СПб — хлопотать об окончании контракта или совсем отказаться от аренды... Чего я хочу? Сам не знаю... Вопрос только в том, сейчас ли я уйду из общественной жизни, или через 1,5 года. Конечно, предполагая — что не умру. И должен сказать, что мне не хочется уходить в архив, несмотря на полную бесполезность моей “деятельности”. По-видимому, мне хотелось бы лучше оттянуть конец хоть на 1,5 года. Глупо, конечно. Но думаю, что таково показание барометра моей психологии данного момента.

Посмотрим, что скажет Петербург... я бы прибавил “гнусный”, если бы он не был, в сущности, совершенно таким же, как вся нынешняя Россия»²⁸. Неопределенность будущего отходит на задний план перед новостью о расстреле на Ленских приисках, вызвавшем «целое революционное движение. В Петербурге забастовки и демонстрации... Возможно, что начинается новый 1905 год. В Москве ведется агитация, прокламации. В университете уже пели “вечная память” — убитым ленским рабочим.

Что будет завтра?

Неустойчивое равновесие завершается логически: перекувыркнемся снова. Вот тебе и “умиротворение” и “успокоение”!»²⁹

²⁷ Там же. Л. 105.

²⁸ Там же. Л. 107.

²⁹ Там же. Л. 108.

19 мая с Тихомировым был подписан новый контракт на аренду газеты до 1 января 1914 г., по которому «Московским ведомостям» в возмещении убытков выделялась субсидия в размере 108 000 рублей. В дневнике он фиксирует: «Сегодня мною и гр. С. С. Татищевым (новым начальником Главн[ого] упр[авления] по делам печати) подписаны дополнительные правила к договору 1909 г. Эта бесконечная канитель — замучившая меня и составившая на несколько лет — завершилась.

Теперь — я имею аренду до 1 янв[аря] 1914 года... Только. Но, вероятно, это, приблизительно, на всю жизнь.

Эта “трагедия казенных объявлений”, как справедливо выразился какой-то хулиган “Русского слова”, завершилась тем, что я буду иметь возможность 1,5 года кормить человек 150—200, приютившихся около издания. Смысла же общественного издание уже не имеет, ибо какое политическое дело можно начинать на 1,5 года? Нелепость!

Сущность договора состоит в том, что убыток от отнятых объявлений мин[истерством] юстиции возмещается полностью прямой субсидией. Но высчитывать убытки страшно сложно и берет массу сил и времени — и это все для поддержания жизни на 1,5 года...»³⁰ Оговорка «приблизительно, на всю жизнь» подразумевала, что Тихомиров в тот момент не рассчитывал прожить дольше 1,5 лет, о чем далее писал в дневнике. Записи за 1912 год вообще полны жалоб на нездоровье, причем различными болезнями страдают почти все близкие Тихомирова.

3 июня Тихомиров уезжает в Сергиев Посад, где заводит дополнительный дневник, который ведет в период нахождения в Посаде³¹. 4 июня он с досадой отмечает в Посадском дневнике, что Алексей Александрович Нейдгарт «призвал» его к высшим вопросам церковной политики и из-за этого ему с величайшим насилием над собой пришлось оторваться от «растительной жизни». Далее следуют типичные для дневника рассуждения о том, что в российском государстве, Церкви, и вообще повсюду люди

³⁰ Там же. Л. 109—110.

³¹ Первый дополнительный дневник см.: ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 23 [Дневник Л. А. Тихомирова (доп. Серг.-Посадский). Июнь 1912 — январь 1915 г. — 235 л.]. 4 января 1915 г. Тихомиров возвращается в Москву и продолжает вести московский дневник.

живут «глупо и скверно», а сам Тихомиров уже сделал в своей жизни все, что в его силах как для Церковного Собора, который в итоге так и не состоялся, так и для укрепления монархии, которой, добавлю от себя, это тоже не помогло. Тихомиров в очередной раз приходит к выводу, что он не годится для *этих людей*, а значит, ему пора в отставку, чтобы «подумать о своей душе», «позаботиться об огороде и саде, да и о курах и кроликах». Кажется, решение принято и «растительная жизнь» победила, но сразу за этими размышлениями следует утверждение, что жить одними «кроликами да березами и сиренью» хорошо лишь недолго, в период усталости, а полноценно возможно жить, только занимаясь *общественным* делом!³² Но именно этого общественно-важного дела у Тихомирова и нет (издание газеты он таковым не считает). Он признает, что разошелся со своим народом, но понимает, что разошелся и с властью. Более того, разошелся в целом с духом того времени, в котором он живет и действует. Имея должность, известность, средства, хорошую семью и небольшое хозяйство; иногда болея, но отнюдь не смертельными болезнями, не достигнувший еще преклонного возраста Лев Александрович записывает, что он конченный человек и его жизнь кончена. Почему же? Чего ему не хватает? Да потому, что у него нет общественно-полезного дела и в этой ситуации его не могут удовлетворить дом, семья, хозяйство, куры, кролики и огород.

Историк В. Н. Костылев верно отметил, что «1912—13 гг. прошли для Тихомирова в чисто формальном служении тому делу, безнадежность которого стала для него едва ли не аксиомой»³³. Черносотенцы продолжали вести против Тихомирова интриги. Цель интриг была ясна — убрать Тихомирова и поставить вместо него во главе газеты «правильного» монархиста. Если бы они прочли его дневник, то были бы удивлены, что Лев Александрович не держался за редакторское кресло, и вряд ли бы поверили в его искренность. В письме В. Н. Коковцову от 4 июня 1912 г. В. М. Пуришкевич с возмущением указывал на то, что «Московские ведомости» были «превращены Тихомировым в высшей

³² ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 23. Л. 7—8 об.

³³ Костылев В. Н. Лев Тихомиров на службе царизма: (из истории общественно-идейной борьбы в России в конце XIX — начале XX в.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 368.

степени вялый, бесцветный, никому не интересный и не нужный орган. Подписка упала до невероятно малой цифры. Одним словом, газета, представлявшая собой выдающееся явление в области русской политической мысли, совершенно захирела»³⁴.

Между тем, Тихомирову действительно нравится не редакционно-издательская суeta, а природа. В Посаде он замечает, как «солнце сияет, и липа распускается», с гордостью записывает о своем хозяйстве: «только что началась клубника. Превосходная... Прекрасная картошка, овощ недурна, цыплята достаточно подросли. Вообще начинается уже эпоха меда и млека. Между прочим, огурцы обещают обильный урожай»³⁵. *Умиротворяет* его и близость церковных стен. 9 июня он записывает: «Сегодня погода хорошая, хотя все время ненадежная. Мы ездили к Черниговской и в Киновию. Заходил на могилу к Леонтьеву и в первый раз увидел, что лампада на ней не горит»³⁶.

Посадскую идиллию нарушают разговоры о возможной войне, которую Нейдгарт предвидит если не в 1912, то в 1913 году. Тихомирову все это не особо интересно, поскольку он полагает, что жить ему осталось не более чем 1,5 года. Ошибался. Он проживет еще 11 лет, а вот Нейдгарт умрет 5 декабря 1915 года, и Лев Александрович посвятит его памяти пространную запись в дневнике³⁷.

12 июня Тихомиров вновь возвращается к фигуре Столыпина. Он понимает, что теряет «Московские ведомости» с 1 января 1914 г. и если физически не умрет, то будет выброшен «за борт деятельности». В «Московских ведомостях» он может печататься свободно, что показал и 1912 год³⁸. В этом же году

³⁴ Цит. по: *Костылев В. Н.* Лев Тихомиров на службе царизма... С. 366.

³⁵ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 115—116.

³⁶ Там же. Д. 23. Л. 10.

³⁷ Дневник Л. А. Тихомирова. 1915—1917 гг. / рук. проекта, сост., авт. предисл., комм. и примеч. А. В. Репников. М., 2008. С. 170—181.

³⁸ В 1912 г. Тихомиров продолжал активно публиковаться в «Московских ведомостях». См.: *Тихомиров Л. А.* Наша наука и государственный строй // *Московские ведомости*. 1912. № 58. 10 марта; Чего нам не хватает // Там же. № 68. 22 марта; Дело жизни Герцена // Там же. № 72. 29 марта; Двенадцатый год в мировой истории // Там же. № 112. 16 мая; Спасаящая личность и спасающая идея // Там же. № 138. 15 июня;

отдельной книгой вышли его избранные статьи, ранее опубликованные в газете в 1909—1911 гг.³⁹ После ухода с поста редактора подобных возможностей уже не будет, что Тихомиров осознавал, признавая, что «писать, пожалуй, негде. Все эти “правые” издания такая мерзость, что в них мне нет места. Есть только “Россия”, да “Новое время”. Издавать брошюры? На это нужно столько средств, что мне и подумать нельзя. Выходит, что мыслима только дорога “на покой”...»⁴⁰

Не будет возможностей и для службы. Взлет его чиновничьей карьеры был при Столыпине, но это было нечто «чудесное» (sic!), от него не зависящее, как пишет Тихомиров, связанное только с личностью Петра Аркадьевича, которому он понадобился.

После гибели Столыпина Тихомиров не видит нового национального вождя. В статье «Спасаящая личность и спасающая идея», опубликованной в июне 1912 г. в «Московских новостях» Тихомиров писал: «Россия теперь жаждет появления *спасающего человека*. Она ищет его, тоскует по нем и малейшее подобие такого человека готова, так сказать, “в кредит” окружить славой. Это настроение, видимо, нарастает. В нем выражается потребность найти исчезнувший центр национального

Недостатки узаконений 1906 года // Там же. № 139. 16 июня; Недостатки узаконений 1906 года (окончание) // Там же. № 140. 17 июня; О Верховной Власти // Там же. № 141. 19 июня; Народное представительство // Там же. № 144. 22 июня; Свойства народного представительства // Там же. № 145. 23 июня; Народное представительство в высших учреждениях // Там же. № 151. 30 июня; О составе народного представительства // Там же. № 153. 3 июля; Сочетанная система управления // Там же. № 160. 11 июля; О Вере и Церкви в государстве // Там же. № 161. 12 июля; Двадцатипятилетие кончины М. Н. Каткова // Там же. № 168. 20 июля; Армия и политика // Там же. № 207. 6 сент.; Государство, свобода и христианство // Там же. № 227. 2 окт. и др.

³⁹ Тихомиров Л. А. К реформе обновленной России (Статьи 1909, 1910, 1911 гг.). М., 1912. В 1912 г. вышло и отдельное издание статьи «Государство, свобода и христианство», опубликованной 2 октября в «Московских ведомостях» в качестве передовой статьи без подписи. См.: Тихомиров Л. А. Государство, свобода и христианство. Симферополь, 1912.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 23. Л. 75 об. — 76.

единения»⁴¹. Тосковал по лидеру и сам Тихомиров, подчеркивая, что «русские более всех народов проникнуты чувством доверия к человеку, к *единоличному* выразителю национального движения или идеи. Но такое настроение нации делает наимыгоднейшим действие под знаменем нашей исторической власти, которая по самой сущности своей подразумевает *личного носителя национального движения*»⁴².

Контраст пасторального Посада с Москвой замечен в записи от 10 августа: «Собираюсь завтра в Москву. Я как-то не нахожу себе места, все беспокоит, все черные мысли. Мысли о чем-то бывшем, прошедшем, как будто не существующем уже. Воспоминания прошлого, отжитого, не сбывшихся мечтаний, не исполнившихся желаний, лопнувших надежд.

Нет, если бы мне попасть на *покой*, то, вероятно, мне лучше бы было жить где-нибудь в меблированных комнатах в Москве, где ничто бы мне не напоминало прошлого. И без того оно тяготит душу.

Был уже период жизни у меня, когда мир мне начал казаться кладбищем... Теперь это настроение, исчезнувшее было с переездом к Столыпину и потом с арендой “Моск[овских] Вед[омостей]”, опять обостренно возобновилось. Куда ни взгляни — везде одни могилы: могилы людей, могилы надежд, могилы намерений. Нет кругом ничего живущего, ничего растущего, обещающего плоды, осмысливающего жизнь. И вырывается стон — Элои, Элои, ламма савахвани?⁴³ Этот стон уже бывал у меня, потом затих, и теперь опять зазвучал в душе...»⁴⁴

25 августа 1912 года, в канун Бородинской битвы, начались юбилейные празднества. 29 августа торжества продолжались в храме Христа Спасителя, а заключительные торжества по случаю юбилея состоялись на Красной площади. 30 августа Тихомиров записывает в дневник: «Сейчас (около 12 ч. ночи) гремят колокола: это отъезд Государя. Кончились торжества.

⁴¹ Тихомиров Л. А. Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. М., 2003. С. 447.

⁴² Там же.

⁴³ Слова распятого на кресте Христа: «Элои, Элои! Ламма савахвани?» — «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» (Мк. 15; 34).

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 23. Л. 21 об.—23.

Изморился я за это время до последней степени. Да и все устали, а больше всех, вероятно, сам Государь.

Все торжества прошли великолепно, при большом подъеме духа и порядке.

Одно было темное пятно. На параде (Ходынка) при обходе Государем фронта Софийского полка — какой-то рядовой внезапно вышел из фронта и подошел к Государю, подавая какое-то прошение. Государь, говорят, был поражен этим и только сказал “Оставьте, оставьте меня”... Но, кажется, кто-то взял прошение. Это была жалоба на незаконное будто бы привлечение к воинской повинности. Говорят, командиры батальона и роты уже смешены. Рядовой по закону подлежит арестантским ротам...”⁴⁵

После юбилейных торжеств Тихомиров возвращается с дочерью Надей в Посад, где 1 сентября записывает: «Сюда я приехал от усталости. Бородинские торжества были особенно тяжелым временем. Но и помимо того мое положение крайне издегивающее. Все рвут на части, и враги, и друзья... т. е. точнее “свои”... Друзей собственно нет... Таких сил, которые бы меня поддерживали — совсем нет. Положение уподобляется отчаянной битве, но не имеющей цели. Передо мной — всего год этого бесцельного действия. Если не умру, то — все же через год вырывают из жизни, начисто, вполне. Газета прекратится, и на место ее ничего другого не будет. Все это ясно и несомненно. Я не могу себе вообразить даже чуда, которое могло бы изменить эту перспективу.

И потому-то мне, в очень тяжелой работе, нет никакого нравственного удовлетворения, нет надежд, нет, стало быть, и подъема духа.

Уезжаю сюда, просто чтобы немножко забыться. По большей части это удается.

Собственно каких-нибудь сил, для которых бы я был нужен и с которыми бы мог действовать, совершенно нет. В среде политической — в партиях — *никого*. Отдельные лица — более или менее считающие меня умным и нужным — наперечет: пожалуй, всего двое: Щечков и Тихонович-Савицкий. Остальные считают меня ни к чему. Даже и Ширинский. Ну из разных левых, понятно, ни единой души. В сферах правящих — добрые отношения

⁴⁵ Там же. Д. 21. Л. 121—122.

очень немногочисленные. Т. е. всего Саблер и Кривошеин. Все остальное абсолютно игнорирует меня и считает ни на что не нужным. Но *поддержки* даже и у Саблера или Кривошеина я не могу иметь; я им *не нужен*.

Сам Государь также совсем забыл меня. Отчасти он *был* (а м. б., и остается) недоволен, но это по совершенно отдельному случаю⁴⁶. А вообще просто не думает, т. е. тоже не считает, очевидно, ни на что нужным.

Нужно сознаться, что немногие умудряются достигнуть такого безусловного разобщения со своими современниками. Это даже курьезно. Но это естественное последствие того, что я думаю и поступаю только по-своему и никому не могу, не умею уступать, а в то же время, понятно, и не представляю сам такой силы, с которой другие имели бы интерес или надобность сообразоваться.

Я и всю жизнь стоял особняком даже от тех, в среде которых состоял внешним образом. Но теперь, в конце концов, я уже даже и внешним образом не принадлежу ни к какой “среде”, никакой компании. Не могу себя обвинить. Что же мне делать, если я ни с кем не согласен? А служить тому, с чем я не согласен, я просто не умею, если бы даже захотел. Но к чему бы я стал насильствовать себя? Ведь по чужой мысли я буду отвратительным работником, все будет ничтожно. Значит — я буду все равно нужен.

Все-таки курьезно. Я не понимаю, как может возникнуть существо, не похожее ни [на] какие другие? По-видимому, какая-то уродливость, очень неприятная для того, кто ею является. Мне *одному* жить тяжело. Я хотел бы жить с другими. А между тем ни они меня не могут принять, ни я их. Так вот и подхожу к концу жизни во все возрастающем одиночестве. Отчасти это потому, что я — старого поколения, которое вымирает постепенно. Меня кое-какие старики любят и ценят, Кутузов, Васнецов, Нейдгарт... но они все сами выходят в тираж. А другие уже перемерли.

Из новых попался Столыпин... А больше никого и нет»⁴⁷.

⁴⁶ Речь о публикации в «Московских ведомостях» в 1910 г. серии антираспутинских статей. См.: Дневник Л. А. Тихомирова. 1908—1910 гг. / сост. А. В. Репников, Б. С. Котов; авт. предисл., комм. и примеч. А. В. Репников. М., 2019. С. 238—255.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 23. Л. 25—28.

14 октября, находясь в Посаде, Тихомиров записывает размышления о политической ситуации в России: «Весь этот наш доморощенный парламентаризм — жалчайшее явление. Это межеумочное учреждение, конечно, способствует выработке партийности, но ровно ничего полезного для народа и его политического воспитания не дает. Что касается падения монархии, то Дума тут идет только сбоку явления, немножко его подпирает, но не порождает, совершенно вроде бюрократии. Коренная причина падения монархии кроется — во-первых, в страшном нравственном упадке России, во-вторых, — в состоянии Династии, которая при нескольких десятках членов прямо отсутствует в государственной жизни России. Ни в одной сколько-нибудь крупной отрасли деятельности и власти — нет ни единого из них. Немножко существует Александр Михайлович да Николай Николаевич, но — разве это роль? И это в наше время, когда Династия должна стоять на страже России и Трона.

Самого Государя я глубоко сожалею. Это, вероятно, несчастнейший человек в России. Нигде поддержки, нигде опоры. В недрах семьи — больная супруга, страшно нервная, и это влечет за собою какой-то ложный мистицизм, а в его результатах — появление ряда личностей, прямо губящих Трон. Ведь Григорий не первый. Был Филипп, был Папюс. И разговоры, — вероятно, на большой % прямо врагов Трона, разносят по России тысячи сплетней, вероятно, и клеветы. Все это накапливает впереди — черные тучи. А Государь не находит сил положить этому конец. По-видимому, он много понимает, много знает, но что из этого, если не хватает воли?

А России теперь нужен *вождь*, гигант. Без этого она не может подняться»⁴⁸.

Размышляя о вожде, Тихомиров 30 октября в очередной раз обращается в дневнике к образу убитого Столыпина. Теперь Тихомиров готов увидеть лидера даже в лице А. И. Гучкова: «Как глупо проходит время. По два месяца не находишь минуты записать что-нибудь в дневник. И сказать бы — со смыслом уходит время. Но нет: суетишься с утра до ночи — и абсолютно без толку. Ни радости, ни пользы.

⁴⁸ Там же. Л. 33 об.—35.

А ведь события какие прошли за это время: Балканская война началась и почти кончилась. Думу избрали. Очень вероятно, что теперь начнутся серьезные события уже у нас, из-за обеих причин.

Балканскую войну теперь придется так или иначе ликвидировать державам, в том числе нам. Мы же “не готовы”, а потому стараемся чего-нибудь достигнуть тем средством, в отношении которого наименее “готовы”, т. е. дипломатической мудрости. Разумеется, опять окажемся в дураках, и, вероятно, навеки провалим себя в восточном вопросе. Теперь бы нужно без колебаний брать Константинополь и стать во всю широту за славян и греков. Да где нашим слизнякам!

Божья кара. Рука Всевышнего тяготеет над нами⁴⁹.

Ну — Дума, при помощи правительственного искусства — вышла ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца. Номинальных “правых” прибыло, но Господь их ведает, кто они окажутся. У октябристов провалился Гучков. Но, может быть, это — к лучшему для него. Может быть, и преднамеренно не старался... Дело в том, что разных левых очень достаточно, около 30 % состава, да еще и октябристы, пожалуй, хоть частично поддержат. Говорят, план такой: сделать запрос о незакономерности действий правительства на выборах и потребовать ответственности министров. Если не дадут — то всем “независимым” демонстративно сложить полномочия. Рассчитывают, что это выйдет около половины Думы. Тогда Дума станет невозможной, ее придется распустить. Новые выборы — будут “оппозиционные”, и тогда власть очутится в руках Думы и революции.

Гучков тогда может явиться спасителем отечества. Весь скандал пройдет без его участия, и он легко явится “честным маклером” — посредником между Троном и революцией.

О возможной роли Гучкова — это моя личная догадка. Относительно же запроса и отказа от полномочий — это

⁴⁹ Ср. с записью 11 апреля 1916 г.: «Когда-то говорили “Рука Всевышнего Отечество спасла”. Теперь придется сказать “Рука Всевышнего на нас отяготела”» // Дневник Л. А. Тихомирова. 1915—1917 гг. С. 221. «Рука Всевышнего Отечество спасла» — название драмы Н. В. Кукольника, поставленной на сцене Александринского театра в 1834 г. Пьеса была одобрена императором Николаем I и получила широкую известность. Одни оценивали ее как патриотическую, другие отзывались с иронией.

установленный план, в котором принимают участие и октябристы, по крайней мере калужские. Мне это рассказал Толмачев.

Правительство такое — что с ним все возможно. А пропаганда в войсках и подготовка рабочих все время идет. Все может быть. Конечно, с бестрепетным сердцем и твердой рукой, — все это легко бы было разрушить в зародыше. Но при данном персонале людей вскоре, может быть, дождемся и своего 1793 года. Ведь у нас революция идет по французскому — масонскому рецепту...

Не даром Столыпина убили. Он хотя и конституционалист, но человек “прусского образца” и по энергии характера не дал бы монарха в обиду. А теперь — людей нет, и, вероятно, куча прямых предателей. В народе же даже и для Вандеи нет уголка. Не Курская же губерния со своими правыми?

Несчастнейший монарх. Мне его до смерти жалко. Но — тяготеет на нас Десница... Уж очень плох народ стал. Я лично, признаюсь, потерял всякую веру в спасение»⁵⁰.

16 декабря министр внутренних дел А. А. Макаров был отпущен в отставку (говорили о влиянии на его отставку Г. Е. Распутина). Его сменил Н. А. Маклаков, симпатизировавший черносотенцам.

24 декабря в дневнике подводится предварительный итог года: «Вот дотянули и до Сочельника. Много происходит разных мелких событий, но некогда даже и отметку сделать. Занят с утра до ночи, и нет мне ни отдыха, ни срока...

Сомнения насчет здоровья Надечки. Вера хочет идти в монастырь...

Отвратительно идет и подписка на газеты. По нынешний день едва 4/5 прошлогодних. Уходят подписчики. Не гожусь я для них.

В материальном отношении я, в сущности, обеспечен. Но тяжело сознавать свою непригодность, свое расхождение с современниками, если даже считать себя правым, а их ошибающимися»⁵¹.

В воскресный вечер 30 декабря Тихомиров записывает: «Николай уехал в Царицыно на прогулку на лыжах и только

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 123—125.

⁵¹ Там же. Л. 128—129.

что вернулся, весь день прошлялся. А там, на редакционной половине происходит елка для детей служащих... Все наши там. Слышны песни детей... Кажется, веселятся. А я тут лежу один в кабинете. Устал до не знаю чего. И ничего мне не хочется...

А из-за чего эта истощающая работа? Кому нужна, для чего?»⁵²

Финансовый итог ушедшему году Тихомиров подвел 1 января 1913 г.: «Прошлый 1912 г. закончился в финансовом отношении сносно — тысяч 25⁵³, пожалуй, прибавил. Но мне это уже не особенно интересно. А вот скверно, что подписка снова упала. Ясно, что моя газета публики не удовлетворяет. Этак можно остаться единственным читателем своего издания

О влиянии, о пользе, при таких условиях, смешно и говорить. Ну а тогда из-за чего вся эта канитель?

О влиянии на верхи говорить еще нелепее. Там господствует Гришка... Положение совершенно безвыходное»⁵⁴.

1913 год будет последним годом для Тихомирова, не только, как редактора «Московских ведомостей», но и как активного публициста. Важнейшим событием этого года станут романовские торжества, на которые у Льва Александровича будет свой взгляд.

⁵² Там же. Л. 130 об.

⁵³ Для сравнения, предлагая в 1907 г. Л. А. Тихомирову место чиновника МВД, П. А. Столыпин гарантировал ему годовое жалование в 6 тыс. руб. См.: Дневник Л. А. Тихомирова. 1905—1907 гг. С. 375. На 5 июля 1914 г. Л. А. Тихомиров, помимо дома с огородом в Сергиевом Посаде, имел в Государственном банке 157 тыс. рублей, дававших «за вычетами, чистых 6300 р. “пенсии”». См.: ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 23. Л. 144 об.

⁵⁴ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 132 об.—133.